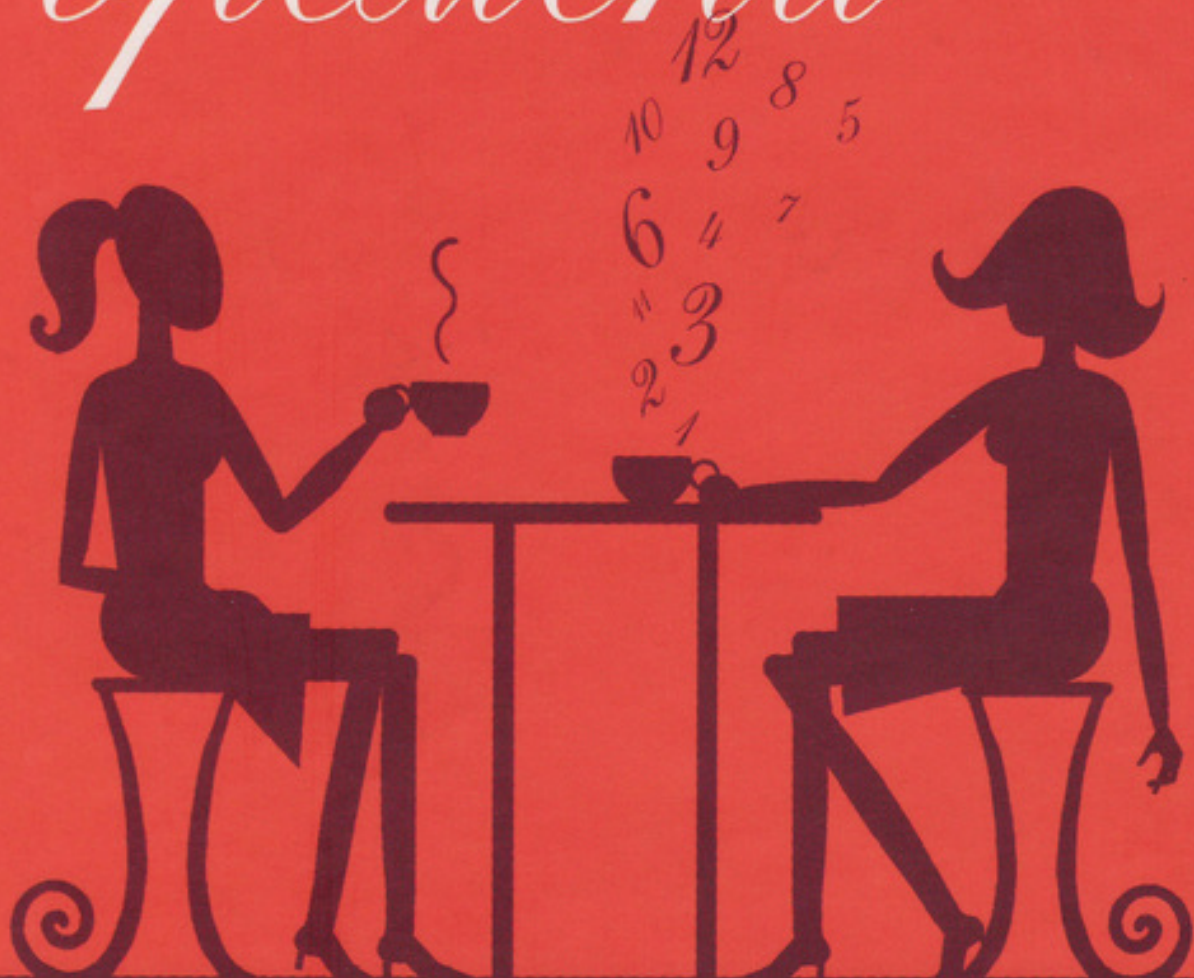

Dreams

Р
Азмица
во
времени

Анна
Бабяшкина

OCTOPUS

Анна Бабяшкина

Разница во времени

«Автор»

2005

Бабяшкина А.

Разница во времени / А. Бабяшкина — «Автор», 2005

У Наташи Ростовой есть: свой ЖЖ, купленный в кредит «Форд Фокус», престижная работа, начальница со степенью МВА и молодой человек из Питера с неуспешной карьерой. Наташа Ростова знает, что ей надо: подсидеть начальницу, выбить рекламу из глупых потенциальных рекламодателей и сделать головокружительную карьеру. Еще у нее на повестке дня: заставить наконец своего молодого человека стать честолюбивым. Наташа Ростова не знает, что все они заодно – и начальница со своими корочками МВА, и глупые рекламодатели, и до странности флегматичный молодой человек. Все они хотят только одного: не дать Наташе Ростовой доказать себе и всему миру, что она совсем не такая, как ее полная тезка – толстая дура благородных кровей из «Войны и мира», способная только рожать детей и варить варенье.

© Бабяшкина А., 2005

© Автор, 2005

Анна Бабяшкина

Разница во времени

Все действующие лица, исполнители и юридические лица, упомянутые в тексте, – вымышлены. Любые совпадения не случайны, но не имеют никакого отношения к объективной реальности, живым людям конца XX – начала XXI века, работающим в это время компаниям и существующим в это время животным и растениям. И еще: мнения героев могут не совпадать с мнением автора. Мнение автора может не совпадать с мнением издательства.

Наташа Ростова с детства ненавидела дурацкое имя, которым ее наделили родители. Видите ли, их, гнилых уральских интеллигентов, очень восхищало творчество Льва Николаевича Толстого. Им даже почему-то нравилась эта глупая размазня благородных кровей, нарожавшая кучу детей от недотепы Безухова и погрязшая в быте. Но каково ей, настоящей, а не книжной Наташе, жить все время с ощущением этой ошибки! Ведь она же совсем не такая! Она деловитая, энергичная, деятельная, стремящаяся к самореализации и достижению высших вершин. Так думала о себе эта милая девушка лет двадцати пяти от роду. Впрочем, впечатления ее были весьма объективны.

Даже сторонний наблюдатель легко понял бы: г-жа Ростова – очень современная девушка. И мечтает она о том, о чем положено мечтать нынче девицам ее возраста: о карьерных высотах, больших зарплатах, фотографии на первой полосе корпоративного сайта, личном шофере и нервном начальнике, которого уважающая себя особа непременно должна подсидеть. И хотя мечты не торопились сбываться в полном объеме, Наташенька очень старалась.

Работа у нее, прямо скажем, была непростая: г-жа Ростова трудилась рекламным агентом в одном весьма популярном журнале. Журнал назывался «Все удовольствия столицы». Наташенька неплохо зарабатывала, но, конечно же, не могла этим удовлетвориться. Ей важно было не просто заработать денег, но сделать КАРЬЕРУ!

«Карьера – что может быть современнее!» – справедливо восклицал в каждом номере ее любимый журнал, который так и назывался: «Карьера».

И вот уже который год г-жа Ростова безуспешно пыталась подсидеть начальницу отдела рекламы Елену Михайловну Тарасову. Время от времени Наташеньку одолевали радостные предчувствия: ей начинало казаться, что положение г-жи Тарасовой становится шатким. Но каждый раз радость была преждевременной. Даже когда выяснилось, что Елена Михайловна предоставила немислимую 70-процентную скидку на рекламу своему знакомому ресторатору, ее всего лишь пожурили и оставили на посту. Даже когда Тарасова ни с того ни с сего напилась на праздновании 8-го Марта три месяца назад и начала тыкать всем в нос своими недавно полученными корочками МВА, начальство ее не тронуло. Даже когда выяснилось, что Елена Михайловна организовала на стороне собственное рекламное агентство, которое беспрецедентно дешево паразитировало на журнальных рекламных площадях, ее всего лишь попросили прикрыть лавочку. (Честно говоря, г-жа Ростова знала, кто отправил анонимку с этим известием генеральному директору. К счастью для Наташи, сама Елена Михайловна о Наташиной принципиальности так и не узнала, хотя провела со всеми сотрудниками долгие беседы о предательстве.)

Словом, Тарасова стояла на пути Наташи неприступной, заколдованной, каменной стеной. И все потому, что считалось, будто Елена Михайловна способна «развести» на рекламу кого угодно – хоть церковно-приходское кладбище...

Г-жа Ростова уже начинала впадать в отчаяние. И вот, в минувшую пятницу, среди туч вдруг забрезжил лучик света. А точнее говоря, генеральный директор Семен Семенович Петров на еженедельном совещании высказал явное недовольство работой отдела рекламы.

– Меня интересует, почему круг наших рекламодателей не расширяется? – грозно спросил Семен Семеныч, глядя на Елену Михайловну и стараясь не смотреть в окно, за которым шелестела раззолоченная солнцем береза. – Может быть, начальник отдела рекламы больше не считает нужным предлагать наши услуги новым компаниям, а довольствуется уже наработанной базой рекламодателей?

– А может быть, круг наших клиентов настолько широк, что мы почти полностью «вычерпали» возможности нашего сегмента рынка? – с вызовом ответила вопросом на вопрос г-жа Тарасова, полоща в кружке пакетик зеленого чая.

И была не права. Потому что настроение г-на Петрова после этой фразы заметно ухудшилось.

– А вот скажите мне, пожалуйста, Елена Михайловна, почему, например, у нас не рекламируется такое чудное кафе «Трали-вали», что на Мясницкой улице? Знаете про такое?

Елена Михайловна утвердительно кивнула. И, как показалось г-же Ростовской, на секунду растерялась.

– Я заходил туда на прошлой неделе, – продолжил докладывать результаты полевых исследований Семен Семенович. – Отличное, я вам скажу, место. Цены вполне доступные. Интерьер – просто супер. Расположение – отличное. Сейчас еще летнюю террасу открыли! Но там едва набиралась половина зала гостей. Думаю, реклама в нашем журнале очень сильно помогла бы им раскрутиться. Как вы думаете? – И г-н Петров посмотрел прямо на Наташеньку, отчего душа у нее ушла в пятки, а руки неприятно вспотели между пальцев, несмотря на зверски холодящий кондиционер.

Г-жа Ростова испугалась, что строгий начальник (которого она, к сожалению, также должна будет в дальнейшем подсадить) сейчас потребует ответа за это упущение с нее.

Но, к счастью для Наташи, у языкастой Тарасовой тут же нашелся ответ:

– Уже работали мы с этими «Трали-вали». Не хотя́т они ни в какую рекламироваться. Каких только заманчивых предложений мы им не делали!

– Может быть, вы подавали эти предложения в неподходящей форме или в неподходящее время? – насторожился Семен Семенович. – Ведь с клиентом важно найти общий язык. Если необходимо – даже водки на брудершафт выпить можно. Или пива... Или «Лонг Айленд айс ти» например... – несколько мечтательно задумался Петров, но тут же спохватился: – Кто владеет этим рестораном?

– Да бесполезно с ними разговаривать, – махнула рукой Тарасова. – Чего только мы не вытворяли. Только что на ушах не ходили перед управляющим и по совместительству владельцем этого кафе. Все бес-по-лез-но!

– И что он говорит? – в голосе гендиректора послышался естественнонаучный интерес. – Как он мотивирует свой отказ?

– Да он вообще разговаривать не хочет ни в какую! «Спасибо, не надо. У меня и так все хорошо», – вот и все, что от этого Алеева можно услышать.

– Странно, странно, – задумался Петров. – Мне все-таки кажется, что вы, Елена Михайловна, некоторым образом почиваете на лаврах. И недостаточно изобретательно подошли к этому Алееву с его «Трали-вали». А уж не выяснить причину отказа – это верх непрофессионализма, не мне вам рассказывать. Всегда надо спросить «почему», чтобы потом развенчать эту отговорку в пух и прах. Понимаете?

Наташа насторожилась: в воздухе запахло переменами. Неужели наконец-то Петров и Тарасова разругаются, и место начальника отдела рекламы освободится?

Но Елена Михайловна оказалась большим дипломатом, чем рассчитывала г-жа Ростова. Тарасова тоже поняла, что тучи сгущаются, и сменила тон.

– Хорошо, Семен Семенович, я учту ваши пожелания. Спасибо за конструктивную критику. Мы попытаемся еще раз поговорить с Алеевым. Между прочим, вы знаете, в столице целая куча таких вот весьма приличных заведений, которые ни в какую не хотят рекламироваться. Мы их уже в отдельный список выделили, чтобы больше с ними не работать и время на них не тратить. Прямо какие-то заколдованные рестораторы! Знаете, например, такое кафе, называется «Свои люди»? Так вот, им владеет тоже совершенно непроходимый тупица. Уж я ему объясняла-объясняла, что займись он рекламой своего заведения, уже заработал бы на открытие второго ресторана. А он не соглашается хотя бы рубль потратить! Причем они и другим изданиям ни цента не заплатили, представляете? Никто их не может раскрутить! У них даже наружки нет! Ни одной растяжки и ни одного щита.

– Прямо так и ни одного? – недоверчиво переспросил Петров.

– Ни одного, – авторитетно подтвердила Тарасова. – Мне не верите, так поговорите с Машкой-наружкой. Ну которая нам делала щиты, помните?

– Помню, помню я твою Машку-растяжку, – поморщился гендиректор. – Значит, есть ребята, которые совсем не хотят популярности? Интересная информация, – поглаживая щетинистый подбородок и поглядывая на часы, кивнул Петров. – Я так понимаю, что весь ваш арсенал по отношению к таким вот «жадинам» уже применялся?

– Конечно, – кивнула Тарасова. – И неоднократно. Да что говорить, мы им звоним раз в квартал – вдруг там собственники сменились и пришли более вменяемые люди? Но ничего не меняется, представляете? Как только они не разорились еще без наших услуг?

– В общем, ситуация мне ясна. Не обижайтесь, Елена Михайловна, но мне кажется, что к этим особым клиентам нужен особый подход. Предлагаю выделить этих скупердяев в отдельный спецпроект. Назначить ответственного, который занимался бы только этими «особыми» ресторанами и больше ничем. Пусть передаст всех своих клиентов другим рекламным агентствам и выяснит, почему Алеев и ему подобные жадничают. Надо выколотить из них денег – необходимо расширять клиентскую базу и увеличивать поступления от рекламы за счет новых клиентов. Понятно? Подумайте, кому вы это можете поручить.

– Вряд ли кто-то захочет взяться, – с сожалением помотала головой Тарасова. – Вы уж извините – с этими придурками можно полгода провозиться и не получить ни рубля. А ведь агента процент кормит, сами понимаете. Как же человек на голом окладе в 300 долларов все это время жить будет?

– Ну так увеличьте оклад этому «особому агенту». Или процент! В общем, придумайте что-нибудь, но чтобы человек нашелся, – Петров уже начал потихоньку кипятииться, недовольный тем, что его гениальная идея не принята «на ура». – Пусть будет оклад 1000 долларов и 40 процентов от суммы, которую удастся выбить из жадина. Неужели не найдется желающих?

Присутствовавшие на совещании рекламные агенты и агентши, общим числом семь человек, нервно заерзали. Но руку никто не поднял. Никто не горел желанием ради «журавля в небе» хоть на какое-то время расстаться со своими, «ручными» рекламодателями, обеспечивающими агентам стабильный и немаленький доход. Но не такова была Наташа. Сердце ее часто забилося, а в голове пронеслась яркая, как апельсин, мысль: вот он – мой шанс!

И Наташенька решительно, как в школе (которую она, кстати, закончила с золотой медалью), подняла руку:

– Я!

– Вот видите! – довольно воскликнул Петров. – Надо уметь работать с людьми! – и благосклонно посмотрел на г-жу Ростову.

Г-жа Тарасова нервно повела плечом, так что с него чуть не спала тоненькая лямка изысканного шелкового платья.

– Давайте установим срок в полтора месяца. Если за это время не будет результата – думаю, его не будет уже никогда.

– Поживем-увидим, – расплывчато согласился Семен Семенович. – Приступайте, Наталья. О первых результатах доложите мне лично через три дня. Хотя... сегодня у нас пятница? Значит, доложите в четверг.

Г-жа Ростова энергично кивнула, а про себя крикнула: «Йес!» Наташу просто распирало от счастья. Наконец-то белая полоса в жизни! Теперь она получит козырную возможность общаться один на один с генеральным! Уж она-то этот шанс не упустит и докажет ему, кто достоин служебной «Шкоды», оклада в 3000 долларов, лакомых премиальных по итогам квартала и просторного кабинета с кожаным креслом! Где-то на горизонте уже маячила фотография на первой полосе корпоративного сайта с заголовком: «Наши передовики». Нет, конечно, там напишут что-нибудь более современное. Но все поймут, что на самом деле хотела сказать им Наташа своим самоотверженным трудом.

– Вот, пожалуйста, – не без радостного сарказма процедила Тарасова, бросая на стол перед Наташенькой тоненькую папку. – Здесь все злостные уклонисты от участия в рекламных акциях. Желаю удачи. Между прочим, этим самым Алеевым из «Трали-вали» я занималась лично. Очень тебе сочувствую. Заранее. Мерзкий тип. Все время смотрит поверх головы собеседника во время разговора. Если и говорит, то что-нибудь бессвязное, как пациент Кашенко. Спрашиваешь: «Почему вы экономите на рекламе?», отвечает: «А вы знаете, есть ли жизнь на Марсе? Ну то-то же». Нормально, да? И вообще предпочитает молчать. А добиваться личной встречи с ним тебе придется как минимум месяц.

Все агенты на секунду оторвались от мониторов и посмотрели вслед Тарасовой, уверенно поцокавшей к выходу. Кажется, они тоже выражали взглядом г-же Ростовской сочувствие: мол, чего только с человеческими мозгами от жары не случается?

Но Наташе не требовалось сочувствия, ей было достаточно списка. Впрочем, слова Тарасовой произвели на г-жу Ростову некоторое впечатление: она поняла, что с этими «особыми» клиентами стандартные приемчики не работают, – чем-чем, а «джентльменским набором рекламного агента» Елена Михайловна владела отменно! Придется искать индивидуальный подход. Наташа открыла папочку и даже крикнула от разочарования: в ней находился всего лишь один листок, отпечатанный на компьютере.

Там было написано:

1. «Трали-вали». Алеев Алексей Александрович.
2. «Свои люди». Козлов Геннадий Андреевич.
3. «Квартира». Леонидов Станислав Леонидович.
4. «НИИЧАВО». Садковой Даниил Львович.
5. «Будуар». Кустова Клара Юрьевна.
6. «Sweet home». Романова Жанна Александровна.

И только-то? Всего-навсего шесть ресторанов? Тарасова что, с ума сошла, когда составляла эту фитюльку? Ну подумаешь, каких-то шесть мелких рекламодателей?! Наташенька ведь уже строила планы о том, как приручит целую свору глупых работников общепита, а тут – жалкая кучка.

Да! Не густо! Милые коллеги не потрудились даже сообщить адреса и телефоны этих заведений. Не говоря уж про то, чтобы рассказать, кто, когда и что предлагал им в плане рекламы. Ну что ж, Наташа обойдется и без их помощи. В конце концов, она очень опытный рекламист и уже приводила в этот жалкий журналишко таких клиентов, благодаря которым тупицы из

отдела культуры чуть ли в полном составе ездили в Канны на кинофестиваль, Тарасова получала суперпремии, а сама Наташа купила себе очень милый «Форд фокус». Правда, в кредит.

Г-жа Ростова решительно кликнула мышкой на значок «Интернет-эксплорер» на экране компьютера. Тут же с монитора на нее уставилась фотография Мишки Кузнецова из отдела продаж с подписью: «Тираж в полмиллиона не за горами!» В короткой заметке на внутриредакционном сайте говорилось, что благодаря самоотверженному труду г-на Кузнецова тираж еженедельника «Все удовольствия столицы» уже перевалил за 400 тысяч. Наташа прикусила губу и перешла с корпоративного сайта на поисковик «Яндекс». Минут через десять у нее уже были все адреса и телефоны кафе и ресторанов из списка Тарасовой. Без всякого удовольствия Наташа распечатала информацию, засунула листок в свою стильную летнюю сумочку из бересты (хенд-мэйд, куплена в магазине для иностранных туристов за 150 долларов) и с отвращением отправилась изучать потенциальных клиентов – г-жа Ростова уже понимала, что эти шесть «карликов» никак не помогут ей завалить Тарасову. Наташа вообще начала подозревать, что рестораны эти окажутся разновидностью общественных сортиров, рядом с которыми мужики в рваных джинсах и студенты-провинциалы пьют по вечерам пиво из плохо промытых кружек. Настроение с отметки «плохое» все ближе сползло к показателю «прескверное».

Ближайший из неплательщиков под названием «НИИЧАВО» прописался на площади Белорусского вокзала. Наташенька неторопливо проплыла Тверскую и припарковалась в конце Тверской-Ямской улицы.

– Итак, где же ты, милый друг? – вслух спросила она, ступая на раскаленный асфальт милыми оранжевыми босоножками от Prada.

Г-жа Ростова все больше подозревала, что заведение это – ничем не примечательная пивнушка, потому что, как ей казалось, она уже давно вдоль и поперек изучила все приличные кафе в этом районе. «Карта Москвы с каждым домом» велела ей идти на сторону, противоположную вокзалу. Наташа с красивым прищуром посмотрела сквозь солнечные очки от Gucci в указанном направлении: ничего завлекательного, никакой огромной вывески, никаких мерцающих огоньков! Только какие-то палатки, а за ними старый дом с табличкой – по-видимому, какое-то государственное учреждение. Другая бы на месте г-жи Ростовской уже плюнула на все и поехала дальше. Но Наташа привыкла все доводить до конца, и потому решительно перешла Лесную улицу, направляясь к палаткам.

Брезгливо переступая розовыми ножками с напедикюренными пальчиками через какие-то мутные лужи, обертки и окурки, г-жа Ростова прошла вдоль палаток. За пыльными стеклами торчали бутылки с выгоревшими на солнце этикетками, пахло чем-то несвежим, громко играла группа «Вирус». Двери в палатках были открыты и в них виднелись крашенные под блондинок упитанные продавщицы с покет-буками в руках. Наташа осторожно постучала костяшками пальцев в косяк одной из палаток. Продавец не реагировала. Наташа постучала громче.

– А? Чего? – встрепелась женщина, отрываясь от потрепанной книжки Донцовой.

– Скажите, пожалуйста, где здесь кафе «НИИЧАВО»? – спросила г-жа Ростова.

– А вот, в желтом доме. Сразу тут, где табличка, – в неопределенном направлении махнула рукой ларечница и снова судорожно уткнулась в книжку.

Наташа осмотрелась. Дом с табличкой? Неужели речь идет вот об этом здании, похожем на госконттору? Может быть, «НИИЧАВО» – это вообще какая-нибудь занюханная столовая в этом учреждении?

Наташа неуверенно поднялась по ступенькам крыльца и прочитала надпись на табличке: «АН СССР НИИЧАВО. Ресторан для научных сотрудников младшего возраста». Фасад желтого особняка выглядел пыльным и старым. Два этажа по десять окон в каждом. Но весь первый этаж как будто вымер – даже невозможно было понять, что творится за этими окнами. Там как будто пролили танкер темноты.

Г-жа Ростова потянула на себя тяжелую дверь. После яркого солнечного света улицы глаза поначалу ничего не видели в пахшей травами прохладной полутьме зала. Наташа немного прошла вперед и по глухому звуку шагов поняла, что пол деревянный и даже, скорее всего, некрашенный. Наконец глаза привыкли к полумраку и явственно различили столики, горящие кое-где свечи, ненатуральный дуб с цепью, под которым мирно храпел самый натуральный черный кот в золотистом ошейнике. Рядом стояла ступа с воткнутой в нее метлой. Г-жа Ростова неуверенно опустилась за один из столиков в самом углу, продолжая озираться вокруг. Вдоль бревенчатых стен на деревянных полках стояли муляжи экспонатов из музея «Избнакурнож». Наташа обратила внимание на старинную бутылку с водой с подписью: «Вода живая. Эффективность 52 %. Допустимый осадок 0.3». На ржавом гвозде висел «меч-кладенец». На другой стене с подписью «Ковер-самолет гравезащитный, действующая модель» – коврик с абстрактным узором (Наташе показалось, что что-то подобное она на днях видела в ИКЕА). Словом, помещение было украшено разнообразным хламом, долженствующим воссоздавать атмосферу повести-сказки братьев Стругацких. Г-жа Ростова посмотрела туда, где предположительно находились окна. Оказалось, что там они и есть, а света так мало в зале, потому что стекла их не прозрачные, а темно-синие. Роль занавесок выполняли огромные шали и каким-то чудом державшиеся на рамах пучки трав (вероятно, они были приклеены). Осмотрев обстановку, Наташа принялась искать взглядом официантов. Человек с солидным фолиантом в руках возник откуда-то из-за спины – вдруг, так что Наташа аж подпрыгнула от неожиданности на жестком деревянном стуле. Чиркнула зажигалка, и на столике перед г-жой Ростовой загорелась свеча.

«Ага, должно быть, за теми столиками, где горят свечи, тоже сидят люди», – промелькнуло в голове у Наташи, и она украдкой оглянулась. Там и правда расположились посетители: парочками и по одному, шепотом переговаривались. И как это она их сразу не заметила?

Но заполняемость заведения, по мнению г-жи Ростовской, для такого бойкого места, как площадь Белорусского вокзала, и для почти что вечера пятницы была весьма невысокой.

«Вот что значит манкировать рекламой», – подумала г-жа Ростова и принялась листать меню.

Блюда, как и следовало ожидать, носили сказочные названия: «Перо Жар-птицы» (куриные крылышки в соусе карри), «Кисельные реки, молочные берега» (какой-то десерт в сливках), «Яичница “Золотая” от курочки Рябы».

– У вас есть клубная карта? – спросил официант.

«Ого, в такой дыре еще и клубные карты», – удивилась про себя г-жа Ростова.

– Нет, – ответила Наташа. – А как ее получить?

– Сейчас их уже не выпускают. Их раздавали в самом начале, – пожал плечами официант.

Заказанные Наташей «Волшебные палочки» (сырные палочки, обжаренные во фритюре) и «Тайна самураев» (вишневое парфе) оказались очень даже вкусными, так же как и турецкий кофе. Единственной неприятностью стала плохо промытая вилка, так что Наташе пришлось попросить поменять приборы. В остальном же заведение производило вполне сносное впечатление. Цены были слегка завышены, но терпимы. Словом, «НИИЧАВО», как показалось Наташе, при определенных рекламных усилиях вполне может достигнуть статуса культового места, например для новой технической интеллигенции – программистов там всяких и прочих компьютерщиков, наверняка фанатеющих от братьев-фантастов.

Сытая и довольная Наташа отправилась по дальнейшим адресам. Есть она уже была не в состоянии, и лишь выпивала в каждом из кафе по чашечке чая или кофе. К вечеру г-жа Ростова почувствовала себя безумно уставшим человеком-бассейном и сочла за благо поскорее добраться до своей съемной квартиры на Ореховом бульваре.

Уютно расположившись на новенькой кровати из орехового дерева, Наташа положила перед собой большой лист бумаги и принялась писать и чертить. Она пыталась понять: что

общего у всех этих заведений общепита? Почему все они игнорируют рекламу – двигатель торговли? Почему попали в список Тарасовой? На первый взгляд, они не были похожи друг на друга.

«Трали-вали» – совершенно обычная кафешка, даже без всякой концепции. Ресторанчик «Свои люди», по всей видимости, начинался как место «для своих» – там до сих пор на стенах висели почтовые ящики с именами завсегдатаев, где они могли оставлять друг для друга записки. «Квартира», расположенная на первом этаже жилого дома на Никольской улице, была оформлена как самая обычная советская квартира. И даже гостей там встречала такая традиционная бабушка в цветастом переднике, которая, вместо того чтобы предложить меню, спрашивала: «Есть борщ, вареники и блины. Что будете?» Удивленная такой фамильярностью Наташа сказала, что ей бы только чайку, и бабуся ласково закивала: «Ну проходи, милая, проходи в маленькую комнату!» Когда г-жа Ростова рассматривала чей-то семейный альбом, лежавший на диванчике, появилась хозяйка, притащившая заварочный чайник, стаканы в подстаканниках, домашние плюшки и розетку с клубничным вареньем. Стаканы в «Квартире», как показалось г-же Ростовской, тоже были какими-то плохо промытыми – совсем как вилки в «НИИЧАВО».

– А чего это ты музыку не включаешь? – по-свойски поинтересовалась старушка. – Вон пластинки-то лежат, давай, не стесняйся.

Ошарашенная Наташа попросилась в туалет – на самом деле ей хотелось осмотреть помещение. Кафе и правда выглядело как обычная квартира, правда очень уж многокомнатная. По всей видимости, владельцы попросту скупили в этом подъезде весь первый этаж и открыли свое заведение. В туалете, в лучших домашних традициях, лежали журнал «Крестьянка» и газета «Советский спорт».

«Будуар» походил на самый настоящий будуар – то есть женскую комнату в богатом доме, примыкающую к спальне. Здесь царили шифон, цветы, благовония, зеркала. На полочках лежали женские журналы и любовные романы. Тут и там даже стояли городские телефоны с радиотрубками, чтобы одинокие посетительницы не скучали и могли поболтать с подружками, совсем как дома.

«Sweet home» оказался чудной кофейней-кондитерской с невероятно соблазнительными сладостями.

Но что-то общее между этими разными едальнями определенно было. Или не было? Может, Тарасова совершенно без всякой на то причины запихнула эти кафешки в один список, и Наташа зря напрягается, и никакой универсальной отмычки к этой группе товарищей не существует? Неужели придется «колоть» каждый орешек по отдельности?

На всякий случай Наташа изморщила весь лоб и таки нашла кое-что странное, специфическое, что объединяло объекты ее внимания: все заведения расположены как-то «не совсем правильно» – вроде и в центре, но при этом так, что не бросаются в глаза спешащему прохожему. Никаких кричащих вывесок, указателей. Даже входы в эти заведения не со стороны пешеходных тротуаров, а во дворах. Что бы это все значило?

«Ну что ж, в понедельник, возможно, ситуация прояснится, – подумала г-жа Ростова, решив потратить большую часть законного выходного на сочинение завлекательного коммерческого предложения. – Начнем, пожалуй, с этого самого Алеева. Про него уже хотя бы что-то известно. Ну и еще с Даниила Львовича Садкового, просто потому что мне у него в “НИИЧАВО” понравилось».

Наташа взглянула на часы, вскочила с кровати, запихала бумаги и ноутбук в сумку, а себя в обтягивающие джинсы и рванула на улицу ловить такси до Ленинградского вокзала. До отправления поезда «Красная Стрела» оставалось около двух часов.

Вот уже больше двух лет в жару и в непогоду, в любое время года, раз в две недели, Наташа прибывала на Ленинградский вокзал, садилась в «Красную стрелу» и ехала в город на Неве жить личной жизнью. Так что злобные перешептывания коллег по службе на тему ее фригидности, индифферентности и прочей женской несостоятельности были, конечно же, лишь жестокими сплетнями, не имеющими никакого отношения к реальности. Даже если Наташа и засыпала в своей квартирке одна, нежно прижимаясь щекой к книжке «Все секреты МВА за пару часов», личная жизнь у нее все-таки была. Все как у людей, все в пределах нормы. Наташенька просто хотела сделать карьеру, а совсем не стать самым выдающимся «синим чулком» своего поколения. Лавры Валерии Ильиничны Новодворской ее не прельщали.

Личную жизнь г-жи Ростовой звали Максик Чусов. Макс жил в городе на Неве, был нечеловечески обаятелен, столь же необязателен и, как все больше убеждалась Наташа, совершенно не соответствовал параметрам идеального супруга выдающейся бизнес-вумен (таковой Наташа авансом считала себя).

Максик работал журналистом в не шибко популярной еженедельной газете «Ленинградское время» и писал туда по одному интервью в неделю. Этим способом Чусов промышлял уже более десяти лет (с самого основания газеты), и никаких карьерных взлетов за весь отчетный период у молодого человека не наблюдалось. До сих пор его не повысили даже до обозревателя. Такое отсутствие положительной динамики весьма озадачивало и огорчало Наташу. Ведь по ее, да и не только по ее мнению, Максик был если не талантлив, то весьма даровит. В конце концов, доставать раз в неделю по одной «звезде» в провинциальную газету – непростая задача, с которой Чусов прекрасно справлялся благодаря природному обаянию.

Включив два года назад Максика в сферу своих интересов, Наташа все это время пыталась разжечь в избраннике честолюбие и уговорить его сделать головокружительную карьеру. Удавалось плохо. Несмотря на явный провал миссии, г-жа Ростова не теряла надежды, что воспитает из Макса настоящую «звезду» журналистики. Ведь она знала, что за спинами всех выдающихся мужчин скрываются умелые кукловоды – их талантливые жены. Нет, конечно, Наташа состояла с Максимом в отношениях не потому, что подозревала, что к ней в сети попала будущая «звезда». Вначале она все-таки влюбилась – ничто человеческое не было ей чуждо. Влюбилась Наташа совершенно неожиданно для себя, в тот момент, когда это совершенно не входило в ее планы, а потому любовь, как всякое неожиданное и яркое впечатление, произвела на нее ошеломляющий эффект.

Познакомились Максик и Наташенька самым дурацким из возможных способов – через Интернет. В тот момент, когда судьба в виде медной витой пары столкнула г-жу Ростову и г-на Чусова, Наташенька более года жила в пресном и вполне престижном гражданском браке с руководителем отдела рекламы сети ресторанов для среднего класса. Их совместное проживание, выросшее из служебных отношений, несло на себе несмываемую казенную печать: все было интеллигентно, по-деловому, доброжелательно и взаимовыгодно. Ее тогдашнему гражданскому мужу было не стыдно и даже приятно показать свою спутницу в любой компании. То же относилось и к Наташе – представительность спутника ее вполне устраивала. Когда в одном психологическом тесте спросили: «Как бы вы нарисовали вашу пару, будучи художником-символистом?» – Наташа представила себя и своего тогдашнего парня в виде стильного мобильного телефона и крутого ноутбука, соединенных проводом для мобильного Интернета. И тот, и другой (в смысле и ноутбук, и мобильник) вполне себе престижны и функциональны и по отдельности, но вместе смотрятся и работают куда как круче. И только столкнувшись с Максом, Наташа вдруг поняла, что такой союз, в котором она прожила последние года полтора, конечно, очень функционален, но – это не любовь. Она внезапно осознала, что даже сцены ревности, изредка случавшиеся между ней и ее презентабельным рекламистом, походили скорее на торг вокруг скидок, чем на мучительную демонстрацию взаимозависимости.

Так вот, с Максиком наша Наташа познакомилась в сообществе advertka на www.livejournal.com, куда она регулярно заглядывала за неформальными новостями рекламного рынка – то есть чтобы узнать, кого откуда уволили, в каком рекламном агентстве начальник самодур, а где вдруг повысили зарплаты или ищут специалистов по рекламе с большим окладом. Непонятно, каким ветром в это рекламистское сообщество занесло Максику, имевшего к миру рекламы весьма опосредованное отношение, но он там регулярно отсвечивал. Мася периодически вывешивал в «адвертке» разнообразные смешные рекламы и зазывал народ отправиться вместе с ним на концерт какой-нибудь малоизвестной питерской группы в какой-нибудь столь же малоизвестный питерский клуб.

Вплоть до одного прекрасного зимнего вечера Наташа не особо обращала внимание на провинциального весельчака. (Да-да, наша девушка была законченным снобом, в том плане, что всякого немосквича считала глубоким провинциалом. У нее была даже своя теория на счет неполноценности всех немосквичей – мол, если у человека не хватает энергии перебраться в Москву и бороться здесь за жизнь, он слишком непредприимчив, чтобы относиться к нему хоть сколько-нибудь серьезно. Хотя сама наша девушка, строго говоря, в юридическом смысле москвичкой не была – в паспорте у нее значилась екатеринбургская прописка, а в Москве была всего лишь регистрация по месту пребывания.) Так вот, однажды зимним пятничным вечером, не горя желанием бежать в «Че» и весь вечер громко разговаривать с друзьями своего бой-френда о политике, динамике цен на рекламу, последней игре «Челси» и новом фильме Тарантино, Наташа заглянула в знакомое интернет-сообщество в противоречивых чувствах. Заглянула просто так – можно даже сказать, машинально кликнула на значке «Advertka's Journal» в папке «Избранное» «Интернет-эксплорера». Взгляд ее упал на очередной жизнерадостный призыв Масика посетить в субботу вечером концерт очередной широко известной в узких кругах питерской группы, название которой не говорило Наташеньке ровным счетом ни-че-го. Ни с того ни с сего Наташенька постучалась Максику в «аську», договорилась о встрече, рванула на Ленинградский вокзал, села в «Красную стрелу» и, ни слова не сказав своему тогдашнему бой-френду, укатила в Питер. Питерский уикенд получился настолько чудесным, а Макс оказался настолько веселым, бесшабашным и обаятельным типом, что, вернувшись в Москву, г-жа Ростова совершила безумство. Она собрала вещи, сухо попрощалась с не особо опечаленным руководителем отдела рекламы сети ресторанов для среднего класса и сняла новую квартиру. Ту самую, на Ореховом бульваре.

И вот уже больше двух лет Наташенька регулярно моталась в Петербург. Выйдя из поезда, пешком шла с Московского вокзала в небольшую квартирку на Пушкинской улице, которую Макс каждый раз снимал на выходные к приезду Наташи. (Г-жа Ростова пару раз останавливалась в «хоромах» бой-френда в районе Красной Горки, после чего решила, что это слишком большое для нее испытание. И что ей легче снять на два дня квартиру в центре, чем платить за бесконечные такси и лечение от болячек, которые к ней так и цеплялись во время ожидания общественного транспорта на промозглом питерском ветру.)

Наташа страшно любила свои двухдневные питерские каникулы. Ощущение праздника захлестывало еще на перроне Ленинградского вокзала: запах железнодорожной гари и отвратительный вокзальный хот-дог предвещали два дня кутежа, ничегонеделания, общения, смеха и любви. Первое время Наташенька ездила в поезде как москвичка: ни с кем по ходу движения не разговаривала, от знакомств уклонялась, вагоном-рестораном пренебрегала; как только поезд проезжал санитарную зону, вставала в очередь в туалет, чистила зубы с заранее припасенной минеральной водой, открывала какой-нибудь очередной симулякр учебника МВА и засыпала на почему-то всегда влажных железнодорожных простынях под стук колес. Но уже где-то через полгода г-жа Ростова начала ездить в Питер как немосквичка: она уже не брала с собой большой баул косметики (теперь его тащил в квартиру на Пушкинской Масик), фен, одежду «на все случаи жизни» и солидную пачку денег (вдруг какая непредвиденная ситуация).

Теперь она ездила в Питер ровно с теми вещами, которые реально необходимы в двухдневном путешествии и которые могут быть безболезненно украдены во время поездки.

Теперь уже, ничего не боясь, как бывалый командировочный, она отправлялась в вагон-ресторан, где все официантки были знакомыми, заказывала пиво и сосиски, легко и непринужденно вступала в «вагонные споры», которые, как известно, хоть и «последнее дело, когда больше нечего пить», но какие-то всегда ужасно настоящие и искренние. В ходе этих путешествий Наташенька как-то нечаянно познакомилась с одним музыкантом из популярной группы, известной телеведущей с канала «Культура» (которая, как выяснилось, в пьяном виде разговаривает сугубо матом в стихах) и даже одним мужчиной-замминистра – питерцем по происхождению и москвичом по делам службы. Иногда даже так случалось, что в Питер г-жа Ростова прибывала совсем не в том купе, в которое у нее был куплен билет, а совсем в другом, и тащила своих новых знакомцев на явочную квартиру на Пушкинской. Масик был настоящим богемным питерцем – в том смысле, что в таких ситуациях он нисколько не удивлялся, со всеми интеллигентно знакомился, давал отоспаться, варил на всех кофе и вечером тащил всю компанию на очередной концерт любительской питерской группы в каком-то очередном «прикольном, но нераскрученном» месте.

Будет неправдой сказать, что за эти два года Наташа узнала Петербург, но вот полюбить успела взасос. Полюбила она его странную любовью – как город-аттракцион под названием «Вперед в прошлое» и сосредоточие безумств, какие никогда она не позволила бы себе в напряженной и до истерики деловой Москве. Безумства эти, в общем-то, носили довольно безобидный характер – вроде секса на крыше старого питерского дома, откуда было видно полгорода, прыжков с одной половины разводящегося моста на другую, пробежек по льду Невы. Также случались и исторические игры – в «блокаду» (это когда Наташе надо было похудеть, чтобы влезть в старые джинсы), «Достоевского» (с походами по залам игровых автоматов, где Наташа преувеличенно-театрально умоляла Максика не делать ставок, а он изображал одержимость игрой), «Распутина» (с попытками гипнотического секса), «Юсупова» (когда Наташа обряжала Максика в свои шмотки и тащила в ночные клубы) и так далее и тому подобное. Все это было, конечно, страшно весело и увлекательно, но... Каждый раз, садясь в вагон поезда по направлению к Москве, Наташа справедливо вздыхала: «Карьера Масика опять не продвинулась ни на йоту!» И еще г-жу Ростову немножечко тревожило то, что за все это время Максик ни разу не намекнул на законный брак и на то, что он хотел бы быть с ней, Наташей, до самой пенсии. Но глупые думы про замужество г-жа Ростова отметала тут же и возвращалась к профессиональным проблемам своего избранника, давая себе слово, что в следующий приезд она обязательно поговорит с Максом на эту тему. Но, как всегда, в следующий раз было так радостно и легко, что до «главного» их разговор так и не доходил. Более того, Наташеньке даже начинало казаться, что под влиянием Масечкиного легкого отношения к жизни и ее радостям, она сама как-то растеряла жажду победы, волчью хватку и деловой драйв, которые были в ней, когда она приехала в столицу молодой выпускницей факультета журналистики Екатеринбургского государственного университета.

Но жарким июньским вечером, подъезжая к Ленинградскому вокзалу, Наташа чувствовала, что появившаяся перспектива роста вернула ей утерянные было силы, драйв и веру в свое светлое будущее. Она даже почувствовала себя энергичной настолько, чтобы наконец сдвинуть с мертвой точки карьеру Макса.

«Завтра обязательно скажу ему все, что думаю по поводу его работы и зарплаты, – убеждала себя Наташа, с отвращением соскабливая прилипшую к подошве жвачку о край железнодорожной платформы. – Хватит этих безумств! Жизнь проходит, пора оставить в ней свой след! А то все хиханьки-хаханьки, да секс на крыше! Пора делать дело. И Максу тоже». В этот раз Наташа снова ехала в Питер «как москвичка». Сухо поздоровавшись со знакомым проводником, она продефилировала в купе и, как только тронулся поезд, принялась сочинять ком-

мерческое предложение, которое должно помочь ей приручить диких рекламодателей. В конце концов, она уже не девочка, чтобы пить всю ночь «Флагман» под пьяный бред попутчиков.

Когда случилось все то, что и должно было случиться после двухнедельной разлуки (душ – «осторожно, дурачок, задушишь же!» – полежать обнявшись – сигаретка – еще раз душ), молодые люди отправились завтракать в «Мокко-клуб» на Невском.

– Что там у тебя на работе интересенького происходит? – ковыряясь вилкой в салате, спросила г-жа Ростова.

– У меня, – без особого энтузиазма откликнулся Макс, – у меня на работе все интересно. Вот на днях сделал интервью с Татьяной Толстой...

– Что судьбоносного говорит живой классик? – скорее для проформы поинтересовалась г-жа Ростова, давно уже привыкшая к тому, что хоть тексты г-на Чусова и были изящны и безупречны с точки зрения русского языка, но при этом получались какими-то пресными. В том смысле, что содержали в себе дежурные ответы на дежурные же вопросы.

За все два года, что Наташа знала Макса, у него не случилось ни одного интервью-скандала, или интервью-откровения, или интервью-заявления, или интервью-разоблачения. Казалось, что Макс специально писал свои тексты так, чтобы они ничего не добавили к уже сложившемуся образу интервьюируемого персонажа и ничего от него не убавили. Иногда Наташенька даже задавалась дурацким вопросом: в чем же глубинный смысл работы ее бой-френда? Он никогда не сообщает миру ничего нового про уже известных персон и никогда не открывает публике каких-то новых «звезд». Просто потому, что не делает интервью с теми, кого пока не показывали по центральным каналам и о ком не писали в самых популярных газетах. Когда Наташенька задавала эти, мучившие ее поначалу, вопросы Макс, он просто уговаривал девушку «так глубоко не копать», «не морочиться» и намекал на то, что «почти все СМИ так работают». И таинственно добавлял, что он просто не в том положении, чтобы «влиять на уже существующее информационное поле». Почему-то в эти моменты пресловутое «информационное поле» представлялось Наташе вытоптанной стадом копытных саванной. Вот и сейчас г-жа Ростова заинтересовалась подробностями встречи Максика с Татьяной Толстой, только чтобы незаметно вырулить с беседы об интервью на тему карьерного роста г-на Чусова, а совсем не потому, что ожидала, будто Макс «раскрутил» писательницу на какие-то откровения. Ее ожидания оправдались.

– Да ничего особенного она не сказала. Так, опять живописала, как она ненавидит журналистов, светскую жизнь, массовое искусство и все такое.

– А ты не спросил у нее, в чем, по ее мнению, феномен ее успеха?

– А ты считаешь, что она успешна?

– Ну вообще это, конечно, победа – добиться того, чтобы тебя каждую неделю показывали по телевизору и еще деньги большие за показ платили. Ты бы так не хотел?

– Нет, не хотел, – совершенно искренно пожал плечами Макс. – Что же тут хорошего?

– Деньги тут хорошие и почет! Дурашка! Вообще, она ведь очень умная тетка, да? Такой образ себе придумала! Клевой такой бескомпромиссной суки...

– Думаешь? Я бы вот не назвал ее клевой. Мне она скорее напоминает советскую продавщицу времен дефицита. Такая же хамоватая толстая тетя с повадками «хрен ли приперлись?» и «чтой-то вы себе о себе возомнили, когда на дефицитном телеэфире я тут посажена?», – фразу Макс заканчивал с характерным для Татьяны Никитичны поджатием губ в «куриную попку» и, так же как она, мелко трусил головой. – Ну один к одному – советская продавщица! Только что гидропиритом не крашенная.

– Да. На это у нее вкуса хватило, – рассмеялась г-жа Ростова. – А ты бы ей так и сказал! – Наташа на секунду задумалась, прежде чем выдать витиеватую формулировку. – Как, мол,

Татьяна Батьковна вам пришла в голову столь удачная идея эксплуатировать на телевидении образ работника советской торговли?

– Ага, – усмехнулся в ответ Макс. – А она мне вежливо так в ответ: «А не пойти ли тебе, голубчик, в жопу?» – Макс опять характерно поджал губки и затрусил головой.

– «Голубчик»! Да-да! Именно так и сказала бы. Обязательно бы «голубчиком», наверное, назвала! Какой у нее все-таки язык классный в этой «Кыси», да? Со всеми этими «голубчиками», «червярями», «огнецами» – правда, здорово? Ведь этот роман – один из лучших в современной литературе. И «Афиша» вот очень хвалила... Где только Толстая такие слова берет? – продолжала восхищаться Наташа, в общем-то недолюбливавшая Толстых по фамильным причинам – ведь это один из них, пусть и однофамилец г-жи Толстой, придумал эту размазню с шестью детьми, в честь которой назвали г-жу Ростову.

– Ну вот это я у Татьяны Никитичны как раз спросил, на счет слов. Сможешь прочитать в следующий раз, заныкаю тебе экземплярчик. Только, на мой взгляд, как раз в «Кыси» ничего выдающегося нет – очень умно переписать «451 по Фаренгейту» Брэдбери и ходить с видом победителя. Причем не слишком хорошо переписать – тоже мне подвиг. И после этого она считает себя великой русской писательницей?

– Неужели ты ей так и сказал? – обалдела Наташа от внезапно проснувшейся в Максе негламурности.

– Нет, конечно. Зачем женщину расстраивать? – даже удивился дурацкому вопросу Наташи Макс.

– А зря... – слегка разочаровалась Наташа. – Очень смешное интервью получилось бы! С перчиком! Ты бы его даже в «Собаку», я думаю, смог бы пристроить. Строчка за строчкой – глядишь, и в штат бы в «Собаку» пригласили... – вырулила наконец на по-настоящему интересный ей предмет беседы г-жа Ростова. – Ведь «Собака» – очень популярный журнал у вас в Питере.

– А зачем мне это? – флегматично поинтересовался Макс. – Мне и в своей газете неплохо.

– Затем. Чтобы больше получать. Чтобы тебя читало и знало больше народу. Ты же можешь. Попробуй послать им резюме или какое-то интервью предложить. Попечатаешься вначале внештатно, а потом, глядишь, и станешь там незаменимым штатным сотрудником. Будет круто!

– Да нужен я этой «Собаке», как пятая нога! – попытался отшутиться Макс. – И она мне не больше.

– Макс, я, между прочим, серьезно, – строго предупредила Наташа. – Ты понимаешь, что это ненормально? Ты уже десять лет сидишь на одном и том же месте, пишешь одни и те же дурацкие интервью с одними и теми же людьми и получаешь все те же 600 долларов. Тебе не кажется, что пора что-то в своей жизни поменять?

– Не кажется, – без особого желания развивать производственную тему отрезал Макс и уставился в окно. – Смотри-смотри, какой парень смешной пошел! Видела, какой у него хайер?

– Ма-акс! Не увиливай! Если ты боишься провала, то хочу тебе сказать, что совершенно напрасно. А хочешь – я поговорю с нашим Петькой Курочкиным, может, он тебя к нам во «Все удовольствия...» возьмет? Переедешь в Москву. Вы, питерцы, у нас нынче в моде. Поставишь на уши столицу. А?

– Наташ, давай закроем эту тему, – миролюбиво попросил Чусов. – Меня в моей работе все устраивает. И меня все устраивает в моей девушке. До тех пор, пока она не начинает «лечить» меня, требовать от меня денег, славы и прочая и прочая. Если тебе нужен знаменитый парень на «мерседесе», то ты зря потратила два года жизни. Не на того напала. Я таким никогда не буду. Андестенд?

– Ну что? Что тебя так держит в твоём дурацком «Ленинградском времени»? – начала кипятиться Наташа. – Где твои здоровые амбиции? Ты же мужчина! Ты должен желать завалить мамонта. А лучше двух! А потом стадо мамонтов!

– И что я потом должен делать с этой горой тухлого мяса? – усмехнулся Макс.

– Гордиться ты будешь этой горой мяса и радоваться тому, как растет уважение соплеменников к тебе. Понимаешь? Ты должен развиваться!

– Наташ, все, проехали! – уже довольно жестко произнес Макс.

– Ты просто очень ленив! «Прыгни, прыгни! Подтянись, подтянись!» – как говорили в одном мультфильме. На самом деле все не так сложно! Нужно просто захотеть и сделать усилие. Я тебе помогу.

– Наташа, – с трудом сдерживал раздражение, но не сдавался Макс. – Дело не в лени! Просто мне хорошо жить так, как я живу. Мне так удобно. Когда меня не узнают на улицах, и когда в меня не стреляют в подъезде. Когда мы с тобой спокойно сидим в кафе на Невском и спокойно разговариваем. Мне интересно жить простой обывательской жизнью, понимаешь? И дело совсем не в нежелании делать усилие! Пойми же ты! Даже если сейчас сюда зайдет Костя Эрнст, встанет передо мной на колени и будет слезно умолять вести передачу «Большая стирка» вместо Андрея Малахова за сто тысяч миллионов долларов в месяц, я откажусь! Просто потому, что это не в сфере моих интересов...

– А что же тогда в сфере твоих интересов? – саркастически усмехнулась Наташа. – Вечное детство, «одолжите три доллара до получки» и компьютерные игрушки? Вот это твои интересы?

– Да! Вот это мои интересы! – подтвердил Макс. – Еще в сферу моих интересов входит одна дурочка, которая, к сожалению, считает, что цель моего существования на этой планете – обменять каждый час своей драгоценной и короткой жизни на как можно большее количество зеленых бумажек.

– Но ведь это же интересно! – сделала последнюю попытку атаковать г-жа Ростова. – Это же так классно – повышать свой профессиональный уровень, встречаться со все более интересными людьми! Иметь другие возможности! Ведь твоя газетка никогда не пошлет тебя в Лондон делать интервью с Мадонной! А вот «Все удовольствия...» вполне могли бы послать. Ты бы хотел сделать интервью с Мадонной?

– Нет, – равнодушно ответил Чусов. – Совершенно не хочу. Ты пойми, я своих героев не люблю и не ненавижу. Я к ним, как токарь к деталям, отношусь. И мне все равно, какую заготовку мне на станок поставили. Я выполняю все те же самые операции, выдам продукт, получу по таксе и отправлюсь жить своей личной интересной жизнью. Чего и тебе советую – смотри на жизнь проще, и она к тебе потянется.

– Ты ненормальный! – тоном завершающего осмотр доктора подвела Наташа итог беседы. Похоже, она поняла, что здесь и сейчас продолжать спор бессмысленно. – Все люди как люди, стремятся прожить яркую жизнь, оставить след после себя на этой планете, один ты какой-то равнодушный. Поквакал в своей газетенке – и опять в тину...

– Все? – уловил перемену ее настроения Макс. – Воспитательные работы на сегодня закончились? Галочка где надо проставлена?

Наташа нехотя кивнула.

– Ну и славненько, – обрадовался Чусов. – Какое кино пойдем смотреть до концерта?

– А! Все равно, – махнула рукой г-жа Ростова.

– Как это все равно? – решительно запротестовал Максик, извлекая из рюкзака «Собаку». – Вот это как раз очень серьезный вопрос. Ведь мы намерены потратить по полтора часа жизни, и надо сделать это так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые минуты. Итак...

Макс принялся жестикулировать, с выражением зачитывая рецензии на фильмы, идущие в кинотеатрах. Он сам себе смеялся и вообще цвел и пах. А мысли г-жи Ростовой в это время были страшно далеки от кинематографа. Она поняла, что голыми руками Максика не взять и стать карьеристом не вынудить. Так что придется попотеть. Возможно, он просто занимается не своей профессией, и от этого у него столь низкая трудовая активность и отрицательный энтузиазм? Возможно, ему просто надо поменять профиль деятельности, и тогда он почувствует сладкий вкус денег и станет упиваться своими рабочими свершениями?

Примерно о том же Наташа думала и в кинотеатре, наблюдая скучнейшее кино «Трудности перевода». И хотя г-жа Ростова, погруженная в свои мысли, не очень вникла в сюжет, она все равно решила, что кино глупое и совершенно ей классово не близкое. Там показывали некую толстую девицу. У девицы было много-много денег и много-много свободного времени. И еще девица почему-то со всеми своими деньгами и, кажется, приличным образованием сучала в сумасшедшем городе Токио, куда ее затащил путешествующий по делам бизнеса муж. И от нечего делать эта девица пускалась в адюльтер с парнем из «Дня сурка». Г-жа Ростова эту девицу совершенно не понимала – уж она, Наташа, нашла бы себе общественно полезное занятие в предлагаемых обстоятельствах. И вообще, девушкины проблемы были страшно далеки от нее, живой и деятельной Наташи Ростовой. У нее, Наташи, совсем другие проблемы: мало-мало денег, мало-мало времени и ку-у-у-ча дел, которые необходимо успеть переделать, пока не пришла старуха с косой. Однако на выходе из «Колизея» Наташа фильм похвалила – она уже успела прочитать в московской «Афише», что это страшно культовое и умное кино, которое должно понравиться интеллигентным девушкам из офисов. Поскольку Наташа относилась к этому сословию, то старалась говорить о всех фильмах, расхваленных в «Афише», очень положительно. Дабы люди не думали, что она недостаточно интеллигентна или отрицает модные тенденции. А вот Макс, похоже, фильм искренне понравился – так что, встретившись в клубешнике с какими-то своими приятелями, он только о Софии Коппола (режиссере «Трудностей перевода») и говорил.

– Этот фильм станет классикой! – с нездоровым огнем в глазах восхищался г-н Чусов, выпивая третий по счету коктейль. – Это так прикольно – посмотреть мировую классику в дни ее премьеры в кинотеатре, а не в одиночестве, взяв с замшелой полки в видеопрокате! Сидеть в одном зале с современниками Копполы и видеть, как они воспринимают этот фильм, еще не до конца осознавая, что они смотрят один из самых великих фильмов всех времен и народов, – это круто.

– Круто-круто, – поддерживали его приятели. При этом они почему-то смотрели на Макса страшными глазами и шипели, кивая на Наташу: – Тс-с! Тс-с!

Но Макс на их пшиканье никак не реагировал и продолжал бурно восхищаться:

– Господи, как верно там все подмечено: двое, в чужой стране, в чужом ритме и чужом времени, полная невозможность соответствовать окружению и быть адекватным ему и – любовь! Фантастика! Как верно передано настроение!

Наташа же, пристально присмотревшись к товарищам г-на Чусова, по косвенным признакам быстро вычислила, что все они – такие же неудачники с тремя долларами в кармане, как и сам Макс. Тусовка вдруг стала ей совершенно безынтересна, и она запросилась домой. Макс долго отбивался и хотел еще немного позажигать, но г-жа Ростова умела быть настойчивой, и еще до двенадцати ночи парочка оказалась в постели.

Ввиду ли белых ночей, ввиду ли общего нервного возбуждения, спалось Наташеньке плохо. Перед ее внутренним взором мелькали баксы, переговорные комнаты, накладные, счета-фактуры и рекламные модули. Много-много рекламных модулей. Во сне она заходила в кабинет генерального директора, а Семен Семенович похотливо говорил ей: «Наташенька, что это у вас там?!» – и кивал куда-то под стол. «Где “там”?» – непонятливо переспрашивала Ната-

шенька, судорожно опуская руки на колени. «Ну там, под рекламными модулями?» – пошло хихикал Семен Семенович, продолжая заглядывать Наташе ниже пояса. И тут Наташа замечала, что вместо платья она вся закутана в рекламные модули! «Ну так что у вас там, под рекламными модулями?» – не отставал Семен Семенович. И Наташа стыдливо сбрасывала с себя, как фантик с конфеты, бумажки с рекламами. «О Боже, какой ужас!» – панически кричал Семен Семенович, бежал к выходу и хватался за ручку двери. «Что такое? Что случилось? – испуганно спрашивала Наташа, нервно прикрываясь руками. – Что же такого страшного вы увидели?» «Да ты только посмотри на себя, – тыкал пальцем в голую Наташу гендиректор. – Ведь у тебя же там ни одного рекламного модуля! Как тебе не стыдно ходить здесь в таком виде! Хоть бы одним рекламным модулем прикрылась!» В этот момент г-жа Ростова не вынесла стыда и проснулась.

Часы показывали всего лишь семь утра. Но уснуть взбудораженная Наташа уже не могла. Она извлекла ноутбук из сумки и принялась строчить варианты рекламных кампаний. Индивидуальные для каждого кафе из «списка Тарасовой».

В первую очередь Наташа занялась разработкой плана по спасению от забвения «НИИЧАВО». Просто потому, что ей там понравилось. И она из всех сил хотела, чтобы у дверей этого заведения выстраивались очереди, как у порога «Якитории». Г-жа Ростова хорошо помнила первую заповедь рекламиста: обращаясь к потенциальному рекламодателю, надо иметь целью не срубить с него как можно больше бабок, а искренно хотеть помочь людям развить их бизнес. Надо придумать за владельцев предприятия, какие рекламные действия помогут им сделать миллионы. Надо приходить к потенциальному рекламодателю добрым другом и советчиком, а не алчной теткой с меркантильными намерениями.

Наташа уже придумала, что «НИИЧАВО», очевидно, лучше всего для начала предложить рекламу на сайте журнала «Все удовольствия столицы». Г-жа Ростова сразу поняла, что надо позиционировать это заведение как культовое место для новой технической интеллигенции – интернетчиков и программистов (они, как правило, любят Стругацких). И еще они, как известно, лучше всего отзываются на интернет-месседжи. Наташа уже во всю калькулировала суммарную стоимость динамических показов, статических баннеров, поп-ап окон и прочих средств интернет-пропаганды, когда проснулся Макс.

– Зайка, ты чего в такую рань вскочила? – сладко потянулся Мась, игриво улыбаясь, и громко зашептал: – Бросай свою счетную машинку и давай сюда! Я тебе кое-что интереснее расскажу.

Наташа знала эту его игру в «иди сюда, я расскажу тебе кое-что интереснее». Все это заканчивалось тем, что Макс заманивал девушку в постель, принимался нечеловечески нежно шептать на ухо что-то нечленораздельное и возбуждающее, зацеловывать и зашекотывать. Вообще-то Наташе очень нравились эти утренние нежности, но не сегодня, когда на нее напало трудовое вдохновение. Г-жа Ростова так и сказала г-ну Чусову:

– Извини, Мась, сейчас совершенно не до этого. На меня напала мысль, и я пытаюсь ее записать как можно скорее, пока она не убежала к кому-нибудь другому.

– И про что мысль? – все еще игриво продолжал шептать г-н Чусов.

– Мысль про то, как я наконец стану начальником рекламного отдела «Всех удовольствий столицы».

– Ты все-таки решила убить старушку Тарасову? – хихикал Макс, пытаясь дотянуться до кресла на колесиках, в котором расположилась г-жа Ростова.

– Нет. У меня другой план. Но, если он не удастся, я воспользуюсь твоим, – улыбнулась Наташа, продолжая барабанить по клавишам.

– Но-но-но! Я этого не предлагал, – притворно серьезно запротестовал Макс, дотянувшись наконец до кресла и утягивая его вместе с г-жой Ростовской от компьютера в сторону кровати.

Наташа проворно вскочила и осталась рядом со своим дорогим, во всех смыслах этого слова, ноутбуком.

– Мася! Я, между прочим, серьезно говорю. Я очень занята, так что не соблазняй меня своими глупостями!

Макс разочарованно толкнул кресло назад Наташе.

– Так ты серьезно намерена подсидеть Тарасову и знаешь способ, как это сделать? – спросил он, нашаривая под кроватью тапки.

– Абсолютно серьезно! И знаю способ, – не без гордости призналась г-жа Ростова. И принялась рассказывать о пятничном совещании у генерального директора и о вызове, брошенном ей самой судьбой.

Макс до определенного момента слушал ее отчет с плохо скрытым безразличием, лишь изредка удивленно приподнимая брови и вставляя малоэмоциональные междометия вроде «так-так», «ну-ну», «круто-круто». Когда же повествование г-жи Ростовской дошло до описания заведений, которые ей предстоит раскрутить на деньги, Макс начал проявлять к этой теме какой-то нездоровый для себя интерес. Как разведчик, услышавший ключевые слова секретного пароля. Вообще-то обычно ему все эти разговоры про службу были глубоко безразличны, но тут он даже сел напротив Наташи и принялся выведывать подробности. Его даже почему-то заинтересовало, что именно г-жа Ростова намерена делать, чтобы выиграть этот неравный бой с шестью рестораторами. Он даже оттеснил ее с места перед ноутбуком и начал листать подготовленные нашей девушкой коммерческие предложения.

– Занятно, – подвел он итог. – Неужели вашему журналу так плохо живется без рекламы именно этих шести, в сущности, насколько я понимаю, не самых больших рекламодателей?

– Нам и без них хорошо живется! Их деньги журналу погоды не сделают, – пожала плечами Наташа. – Но это дело принципа. Просто генеральному взбрело в голову, что их реклама у нас должна быть кровь из носа. А раз уж биг-босс чего-то хочет, а Тарасова расписалась в том, что она этого не может, самое время мне продемонстрировать, что я круче Тарасовой. Что я могу то, чего она не может ни при каких обстоятельствах. Понимаешь? Тест на профпригодность!

– Наташ, а может, тебе еще не поздно отказаться? Я бы тебе посоветовал прийти в понедельник к Тарасовой. Сказать, что так, мол, и так, была не права, осознаю свою ошибку, больше так не буду. И забыть про этих карликов с их нищенскими бюджетами, – повел себя Макс странно.

– Еще чего?! – возмутилась Наташа. – Если уж один из нас патологически ленив – не будем показывать пальцем кто, но это слоненок, – то не надо всех в свое болото тянуть! Если ты совершенно не хочешь делать карьеру, то это не повод и мне всю жизнь просидеть в заднице и быть рядовым подчиненным. Я достойна большего!

– Но ведь у тебя ничего с ними не получится, – проямлил Макс. – Серьезно тебе говорю. Зуб даю.

– Не тебе об этом судить, – буркнула Наташа, подхватила ноутбук и отправилась на кухню дописывать свою нетленку.

Пессимизм Макса слегка сбил г-жу Ростову с толку, и поэтому продолжить документ оказалось не так-то легко. Сосредоточиться не удавалось, ничего путного не придумывалось, а тут еще, как назло, комп начал подвисать. Для полного несчастья, в кухню зашел уже побритый и почистивший зубы Макс и решительно сообщил, что он не собирается провести весь свой законный выходной возле женщины с компьютером. Также он сообщил, что в его планах поехать за город на шашлыки, и если Наташа еще не окончательно выжила из ума, то она сейчас все бросит и отправится вместе с ним.

– Все из-за тебя! – прошипела ему в ответ г-жа Ростова. – У меня ничего дальше не пишется! И все из-за твоих штучек. Из-за тебя я никогда не стану большим человеком на служебной машине!

Макс хотел было что-то возразить, но только махнул рукой:

– Так ты едешь или остаешься? Если остаешься, положи ключи в камеру хранения на вокзале и кинь мне sms-кой ее номер и код. Я завтра их в агентство сдам.

И г-н Чусов, как ни в чем не бывало, отправился к двери.

– Подожди! – злясь на себя, крикнула ему вслед г-жа Ростова. – Я с тобой.

Во время загородной прогулки с костром и приготовлением шашлыков г-жа Ростова как-то противоестественно сильно расслабилась и, честно говоря, быстро напилась. Она впала в задорное настроение и опрометчиво принялась прыгать через костер, точнее говоря, через угли, на которых все еще жарились шашлыки. В результате шашлыков так никто и не дождался – они были неаккуратно затоптаны в углях развеселившейся г-жой Ростовой. Расстроенная Наташа пристыженно отошла от попанного ею костра и села на вечно холодную ленинградскую землю. Опустив голову, она с тоской устала на свои безвозвратно испорченные белые кроссовки от Nike, стараясь не слушать сокрушенные возгласы товарищей. Г-жа Ростова остро переживала свою вину.

Наконец публика смирилась с тем, что закусывать ей сегодня придется исключительно помидорами с огурцами, и снова принялась травить анекдоты. Про Наташину оплошность, казалось, все забыли. Но г-жа Ростова не спешила возвращаться в общий круг.

– Натах, ну ты чего? – подошел к ней г-н Чусов. – Хватит страдать, пошли назад. Там еще пиво осталось.

– Не хочу я никакого пива, – шмыгнула носом г-жа Ростова, предчувствуя, что сейчас расплечется (это нередко случалось с ней после обильных возлияний). – Вы все меня ненавидите!

– Ты что, с ума сошла? – покрутил пальцем у виска Макс. – За что нам тебя ненавидеть?

– За шашлыки, – уже откровенно начала всхлипывать Наташа. – За то, что у меня вечно все не так получается и все конечности не из того места растут.

– Да, особенно голова, – поддакнул Макс, тяжело вздохнул и сел рядом.

Он понял, что разговор затягивается и так просто Наташу в дружеское лоно вернуть не удастся. Для этого надо сначала дать ей проплакаться.

– А мне сегодня сон такой странный снился, – ляпнула г-жа Ростова, мысли которой беспорядочно крутились в голове, как белье в стиральной машине, и принялась вываливать на голову бедному, настроившемуся весело отдохнуть Максику свой ночной кошмар.

Однако Максу сон кошмаром почему-то совсем не показался. Наоборот, он весело заржал и похлопал Наташу по плечу, сбив только что пристроившегося на нем голодного комара:

– Слушай, а может, тебе просто переспать с этим твоим генеральным директором? Может, тогда он даст тебе то, чего ты так хочешь?

Наташе шутка не понравилась:

– Совсем плохой на голову, да? Я гениальный рекламист и делать карьеру через постель не собираюсь. Я ее и так сделаю, без всякого там секса с генеральными директорами!

– Да пошутил я, гениальный рекламист! – успокаивал ее Макс с нескрываемой иронией. – Вставай давай, и пошли ко всем. Смотри, там уже новый костер соорудили.

– А что ты смеешься? – не унималась Наташа. – Я действительно гениальный рекламист, хочешь ты этого или нет. Я вам всем это докажу, вы еще будете меня вспоминать! И я выбью деньги из этих кафе, чего бы мне это ни стоило!

– Бери мочало – начинай сначала! По-моему, мы на эту тему утром уже поговорили. У тебя какие-то ярко выраженные психологические застревания и проблемы со слухом! Наташ,

я не спору, что ты рекламный гений, но вот из этих конкретных кафе ты денег не выбьешь. Давай лучше найдем какую-то другую область, где ты сможешь свой талант проявить.

– Ты знаешь, в чем наша проблема? – снова пустила слезу г-жа Ростова.

– Да нет у нас никаких проблем. Просто у тебя слегка от работы крыша поехала. Надо чаще отдыхать, и все будет в порядке. – Макс уже изрядно заскучал рядом с Наташей и завистливо посматривал в сторону общего костра, откуда то и дело доносились взрывы хохота.

– А я тебе все-таки скажу, в чем наша проблема, – закрыв глаза и раскачиваясь, как китайский болванчик, продолжила Наташа, не обращая внимания на слова Макса. – Ты помнишь такой фильм – «Женщина, которая поет»?

– Конечно, помню. Пугачева в главной роли. И что дальше? Ты намерена еще и певицей стать? – Макса уже начал откровенно доставать этот разговор.

– И вот какая сцена, по-твоему, самая главная в этом фильме?

– Самая главная? Ну не знаю... Наверное, когда она просит стихи про «женщину, которая поет» у какого-то старикашки-поэта, – назвал Макс единственную вспомнившуюся ему сцену из этого фильма.

– А вот и неправильно! – внушительно сказала г-жа Ростова и кончиком пальца поймала очередную выкатившуюся из глаза слезу. – Там есть одна гениальная сцена. И она прямо про нас. Помнишь, когда Пугачева увольняется из шоу и сообщает об этом мужу. А он ей говорит: мол, дура, паши, как все пашут, и не мечтай о большой сцене, всенародной популярности и белом лимузине. Мол, спустись на землю. А она отвечает: мол, не могу, дорогой, потому что я – певица. Певица, в которую ты не веришь. Понимаешь – вот это ключевая фраза фильма! Певице просто необходимо, чтобы ее мужчина в нее верил! А ты в меня не веришь!

И г-жа Ростова неприлично разрыдалась в голос.

– Да-а, – только и смог протянуть в ответ Макс и посмотрел на часы. – Как все-таки все запущено. Ты хоть иногда выпиваешь там, у себя в Москве? Чего тебя так с двух бутылок пива развезло-то? Поехали домой, буду тебя отрезвлять и сажать в поезд. Нечего сказать – выходные удались...

Свои дальнейшие питерские перемещения г-жа Ростова помнила смутно. Зато, конечно, они надолго запомнились г-ну Чусову. Во-первых, пока он расплачивался за такси, Наташенька успела купить в палатке какой-то крепкий коктейль и снова привести себя в состояние повышенной откровенности. Во-вторых, они долго не могли найти в вещах г-жи Ростовой обратный билет до Москвы. И Наташенька никак не стремилась помочь Максику в поисках проездного документа. Она лишь неопределенно махала рукой на свою сумочку: «Ну там он где-то! Ну посмотри сам!» И продолжала обвинять Макса во всех смертных грехах, главный из которых, конечно же, был безынициативность. В конце концов г-н Чусов не выдержал этого кошмара и купил девушке новый билет на «Красную стрелу». В-третьих, г-ну Чусову лишь в последний момент, да и то с трудом, удалось выскочить из отправлявшегося в Первопрестольную поезда. На платформу он спрыгнул уже на ходу. А не мог он выйти из вагона раньше, потому что Наташенька никак не желала его отпускать. Ведь ей хотелось столько всего еще сказать наболевшего на тему «певица, в которую ты не веришь»! И каждый раз, когда Максик целовал ее на прощанье, сообщал, что поезд сейчас тронется и ему надо идти, г-жа Ростова делала скорбное лицо и горестно шептала: «Я так и знала, что тебе никогда не было интересно, что у меня на душе. Тебе лишь бы сбежать, когда я тебе ДУШУ открываю!» – и снова пыталась зареветь в голос.

Несомненно, это был один из самых неудачных питерских уикендов Наташи.

Если вам случалось хоть раз напиваться в ночь с воскресенья на понедельник, вы вполне можете представить себе, в каких смешанных чувствах выходила Наташа на следующее утро из «Красной стрелы». С острой потребностью поспать по-настоящему в собственной постели, принять душ и сказаться больной на работе. Все это г-жа Ростова и проделала в обратной

последовательности. За тем лишь исключением, что на работе она сказала не больной, а работающей дома с документами.

Проснувшись уже относительно свеженькой во второй половине дня, Наташа обнаружила на мобильнике пару неотвеченных звонков от Макса и от него же – озабоченную sms-ку. Молодой человек интересовался, благополучно ли г-жа Ростова добралась до Москвы. Наташа поспешила позвонить Максиму и успокоить его, заявив, что с ней все в порядке.

На самом деле Наташа ощущала себя далеко не «в порядке»: осознание того, что она проспала пол рабочего дня, вызывало неизбежные в данной ситуации муки совести. И г-жа Ростова рьяно взялась за работу. Она принялась названивать в кафе из «списка Тарасовой» с целью назначить встречу менеджерам этих заведений, уполномоченным принимать решение о размещении рекламы. С первой трудностью Наташа столкнулась сразу же, как только дозволилась до «НИИЧАВО».

– Добрый день! – благожелательно начала разговор г-жа Ростова. – Я хотела бы пообщаться с вашим менеджером по рекламе и PR.

– У нас нет менеджера по рекламе и PR, – сухо ответили на том конце провода и тут же невежливо бросили трубку.

Но это еще не была трудность. С такого рода мелким хамством Наташе уже приходилось сталкиваться неоднократно. Такая мелочь не могла сбить ее с толку. Г-жа Ростова терпеливо набрала номер еще раз.

– Добрый день! Я хотела бы поговорить с менеджером по маркетингу! – Наташа сообразила, что если в заведении нет отдельного менеджера по рекламе и PR, то эта область должна находиться в компетенции менеджера по маркетингу.

– У нас нет такого менеджера, – все так же сухо ответили на том конце провода, но трубку почему-то на этот раз сразу не бросили.

– Тогда я хотела бы поговорить с генеральным директором, – уверенно гнула свою линию г-жа Ростова, несколько удивленная отсутствием в «НИИЧАВО» столь важной штатной единицы. – Если не ошибаюсь, его зовут Даниил Львович?

– Совершенно верно. Представьтесь, пожалуйста, – попросили на том конце провода.

– Менеджер закрытого акционерного общества «Все удовольствия столицы» Наталья Ростова.

Наташа намеренно сказала «ЗАО “Все удовольствия столицы”», а не «журнал “Все удовольствия столицы”». Причем слова «закрытое акционерное общество» она произнесла четко и медленно, а «Все удовольствия столицы» – скороговоркой. Это была маленькая военная хитрость. По собственному опыту Наташенька знала, что стоит только секретарю или другому работнику, снявшему трубку, догадаться, что он разговаривает с рекламным агентом из журнала, – и добиться беседы, а уж тем более встречи с каким-либо более-менее ответственным лицом потенциального рекламодателя уже не удастся. В лучшем случае рекламному агенту предложат прислать прайс-лист, который, конечно же, никто читать не станет. Сколько по молодости г-жа Ростова разослала прайс-листов «в никуда» из-за такого вот неправильного начала разговора, знает, наверное, только редакционный факс! На этот раз, похоже, хитрость сработала.

– По какому вопросу вы хотите говорить с Даниилом Львовичем? – уже почти ласково спросила девушка на том конце провода.

– У меня есть для него деловое предложение, – как можно более туманно обрисовала свои намерения Наташа, зная, что стоит только произнести слово «реклама», как ей тут же будет предложено выслать все тот же прайс-лист по факсу, а генеральный директор окажется на больничном, в командировке или вообще глухонемым.

– Какого рода у вас предложение? – не унималась секретарша.

С такими дотошными секретаршами г-же Ростовой тоже доводилось сталкиваться. И не раз. В этом случае обычно спасал набор экономических терминов, почерпнутых из учебников по МВА. Говорить надо было так, чтобы звучало страшно солидно и при этом непонятно. Так, чтобы секретарша поняла, что это не ее, секретарского, ума дело – расспрашивать менеджеров о сути деловых предложений. Но откровенно врать даже секретаршам – недопустимо, так что некое подобие смысла в придуманную Наташей фразу все-таки было заложено.

– Наша фирма намерена предложить вашей компании совместный проект в области фостиса, что позволило бы обеим компаниям побороть издержки автаркии и получить существенную прибыль за счет эффекта синергии, – выпалила г-жа Ростова.

В этом месте секретарши обычно либо офигевали и безропотно соединяли с ответственными работниками компаний, либо просили «объяснить по-русски». Если разговор шел по первому сценарию, г-жа Ростова записывала себе в актив первую победу. Если же секретарши просили объяснить суть предложения более доступно, Наташа начинала действовать по «плану Б». Она сурово спрашивала зарвавшуюся секретаршу: «А вы уверены, что это в вашей компетенции – принимать менеджерские решения и оценивать деловые предложения? Может быть, мне лучше поговорить с кем-то, кто разбирается в вопросе?» И настойчиво требовала соединить ее с начальством. На этом этапе сдавалось 99.9 % секретарш. 0.1 % был на счету нервных дамочек, которые просто бросали трубки от испуга. Каково же было удивление Наташи, когда, ни на секунду не смутившись, секретарша «НИИЧАВО» в ответ на Наташин пассаж выдала:

– Приятно разговаривать с человеком, изучавшим инкотермс. Но в соответствии с узусом, рекомендую представить ваше предложение в письменном виде. Хотя, со своей стороны, могу заметить, что эмерджентная эволюция в настоящее время не стоит у нас на повестке дня.

Наташа парализованно молчала. А секретарша, как будто с усмешкой, продолжила щебетать:

– Спасибо за звонок. Надеюсь, мы пришли к консенсусу, и мне не требуется произвести редукцию вышесказанного?

Наташа наконец сглотнула ставшую в горле комок слюну и не придумала ничего лучше, как действовать по «плану Б»:

– А вы уверены, что это в вашей компетенции – принимать менеджерские решения и оценивать деловые предложения? Может быть, мне лучше поговорить с кем-то, кто разбирается в вопросе? – проямлила г-жа Ростова.

– Разумеется, я действую интра вирес, – самоуверенно заявила девица на том конце провода. – У вас есть наш адрес электронной почты, чтобы выслать ваше предложение?

– Нет, – бессильно прошептала Наташа, машинально записала адрес электронной почты и положила трубку.

Где-то минут двадцать г-жа Ростова сидела на кухне, нервно курила и пыталась оправиться от потрясения. Но Наташа не была бы Ростовской, если бы какой-то секретарше удалось надолго выбить ее из колеи. Так что уже через двадцать минут она звонила в «Свои люди» и требовала разговора с менеджером по маркетингу. Каково же было ее удивление, когда ситуация повторилась практически один к одному! Только на этот раз секретарша Геннадия Андреевича Козлова, гендиректора «Своих людей», забросала ее каким-то другим набором непонятных слов, почерпнутых из «Словаря экономических терминов». В «Квартиру» Наташа звонила уже с опаской. Когда выяснилось, что и там нет ни менеджера по рекламе и PR, ни директора по маркетингу, Наташа просто бросила трубку. Перенабрала номер и, постаравшись придать как можно больше томности голосу, промяукала:

– Добрый день! Стаса будьте добры!

– По какому вопросу?

– По личному, – игриво-обиженно продолжала мяукать г-жа Ростова.

– Извините, по личному вопросу на работе Станислав Леонидович просил не соединять. Звоните ему на мобильный. Всего доброго, до свидания!

– Фак! Фак! Фак! – громко выругалась Наташенька, стукнув телефонной трубкой по аппарату так, что пластмасса пошла трещинами.

Не сработали стандартные Наташины приемчики и в трех других заведениях – везде секретарши вежливо и профессионально «отбрили» г-жу Ростову и предложили «писать письма мелким почерком». Полезного во всей этой ситуации было только одно: у Наташи уже практически не было сомнений, что все эти заведения не случайно оказались у Тарасовой в одном списке. Что-то общее у них, определенно, есть. Слишком уж странно и при том похоже ведут себя секретарши этих едален.

Стрелки часов приближались к шести вечера, а Наташе до сих пор не удалось договориться ни об одной встрече! Г-жа Ростова была откровенно деморализована, мозг ее продолжал лихорадочно работать, но ничего «пробивного» придумать был не в состоянии. Наташа решила, что надо сделать паузу, скушать что-нибудь вкусненькое и с кем-нибудь побеседовать. Г-жа Ростова знала, что все лучшие идеи и озарения случаются в режиме диалога: когда ты с кем-то беседуешь, то начинаешь думать в три раза интенсивнее, чем один на один с собой. Даже если собеседник не подсказывает тебе ничего сверхъестественного, ты как бы смотришь на ситуацию с различных точек зрения и, соответственно, лучше ее понимаешь. Надо было найти собеседника на вечер. И Наташенька позвонила своей приятельнице Люсе Можяевой, с которой они познакомились не так давно, где-то полгода назад, встретившись в травмопункте. Люсенька под Новый год сломала руку, а Наташа тогда пребольно поскользнулась на плохо очищенном ото льда тротуаре и думала, что сломала ногу. На самом деле у г-жи Ростовской было просто растяжение. В ходе краткого общения в травмопункте девушки сильно подружились, главным образом потому, что каждая из них обнаружила в другой полную свою противоположность. Если г-жа Ростова была карьеристкой до мозга костей, то Люся в тот момент сидела дома и мечтала о том, как бы так устроиться в жизни, чтобы вообще никогда не работать, а есть мармелад перед телевизором. Надо сказать, долгое время г-же Можяевой удавалось быть домохозяйкой и домоседкой, но сейчас она расслабленно продавала путевки во Францию в одном из туристических агентств.

Г-жа Можяева на предложение выпить кофе и поболтать ответила согласием. Наташа, дабы лучше объяснить собеседнице свою проблему, назначила встречу, конечно же, в «НИИЧАВО». Г-жа Можяева долго удивлялась тому, что она, работая по соседству – на Масловке, – до сих пор ничего не знает о таком интересном заведении, как «НИИЧАВО», и обещала быть на месте к полвосьмого вечера.

Люся опаздывала, и г-же Ростовской волей-неволей пришлось некоторое время наблюдать за клиентурой ресторана. Народу в понедельник было не больше и не меньше, чем в пятницу. Посетители вели себя как завсегдатаи – могли запросто подойти поздороваться к людям за соседним столиком или даже пересечь из-за одного столика к другому. За некоторыми столами при свечах играли в домино и карты, за другими бурно что-то обсуждали. Словом, было очевидно: мало кто пришел сюда просто поесть в приятной обстановке, все находились здесь для общения со всеми. Несколько людей, конечно, производили впечатление случайных посетителей, сиротливо сидевших в сторонке и не принимавших участия в общей тусне. И г-жа Ростова была одним из этих людей.

Публика за одним из столиков принялась активно оглядываться на Наташу и о чем-то бурно дискутировать. Наташа почувствовала себя неуютно и уставилась в меню. От упомянутого столика отделился молодой человек и направился к г-же Ростовской. С приятной улыбкой он сел на место, предназначавшееся для г-жи Можяевой, и с большим интересом спросил:

– Добрый вечер! Вы здесь в первый раз? Вы новенькая?

– Не в первый раз, но я новенькая, – честно ответила г-жа Ростова, тоже с интересом разглядывая собеседника и пытаясь определить, можно ли его отнести к новой технической интеллигенции, дабы понять, верно ли она определила перспективную нишу для «НИИЧАВО».

– Понятно. Тогда можно я задам традиционный дурацкий вопрос, который положено задать при знакомстве, – слегка смутившись, заговорщически продолжил беседу молодой человек.

– Разве вы только что его не задали, когда спросили, новенькая ли я? – парировала улыбающаяся г-жа Ростова.

– Да. Но он недостаточно дурацкий, – засмеявшись, ответил молодой человек. – Я про другой вопрос. Ну вы знаете, когда знакомишься с незнакомой девушкой, положено задать вопрос... Таков обычай...

– Короче, – подбодрила, как умела, Наташа молодого человека.

– Да. Итак! У нас тут с друзьями, видите ли, возник небольшой спор... Голоса распределились, поэтому я хочу задать вам вопрос. Ну вы понимаете?

– Понимаю, задавайте же уже! – нетерпеливо кивнула Наташа, хотя и не очень понимала. – Должна заметить, если речь идет о споре, с вашей стороны как-то опрометчиво привлекать меня в эксперты: может, я вообще школу с двойками закончила? – Наташа зачем-то подмигнула и хихикнула, вспомнив о своей «золотой медали».

– Кто же из нас закончил школу на «отлично»?! – понимающе и, как показалось Наташе, с облегчением рассмеялся молодой человек. – Итак, как положено, вопрос: есть ли жизнь на Марсе? – и парень выжидательно уставился на г-жу Ростову.

Наташа ожидала всего, чего угодно, но не такого странного вопроса. У нее в голове крутились разные варианты – от «девушка, как вас зовут?», «кто вы по гороскопу?», «красивая вы или на самом деле рыжая?» до «относится ли амеба к животным?». О чем еще могли поспорить люди за соседним столиком, и какой еще вопрос может придумать молодой человек, чтобы подкатить к незнакомой девушке? Но такой бурной фантазии г-жа Ростова не ожидала, и парень начал ей активно нравиться.

– Ну, барин, ты задачки ставишь, – рассмеялась Наташа в ответ. – Да этого же никто не знает! Я чуть было не подумала, что у вас и правда какой-то спор на счет моей скромной персоны разгорелся. Насмешил! Ну давай тогда знакомиться, раз у тебя такой оригинальный способ завести разговор. Люблю людей неординарных.

Однако дальнейшая беседа с приятным молодым человеком Наташу разочаровала, потому что он оказался, вопреки первому впечатлению, весьма ординарным офис-менеджером компании средней руки. Нет, тратить время на столь малоперспективного товарища г-же Ростовской казалось полным расточительством, поэтому Наташа свернула беседу так быстро, как только смогла. И вовремя – потому что к ее столику, запыхавшись и с трудом удерживая в руках многочисленные пакеты и пакетики, пробиралась Люся Можаяева.

– Извини, дорогая! Ехала к тебе, увидела объявление о распродаже в парфюмерном магазине. Остановилась на минутку, а там та-а-акие медленные консультанты оказались! В общем, ужас! Прости ради Бога, но я страшно рада тебя видеть! – не давая вставить собеседнице ни одного обвинительного слова и чмокая Наташу в обе щеки, тараторила г-жа Можаяева.

– Ладно, ладно! А то я не знаю, что ты никогда не приходишь вовремя? – все-таки изобразила легкую обиду г-жа Ростова.

– Ну как у тебя дела? – изучая меню, поинтересовалась г-жа Можаяева.

– Ужасно, – решив не откладывать дело в долгий ящик и сразу приступить к обсуждению накопившихся проблем, начала г-жа Ростова. – Полный кошмар!

– Боже мой! – откладывая меню в сторону и испуганно глядя на Наташу, ужаснулась г-жа Можаяева. – Что-то с Масиком? Вы поругались? Как ты вообще съездила?

– Да никак. Да, немного поругались, но это не важно, сейчас не об этом речь, – отмахнулась г-жа Ростова от малоинтересной ей, в общем-то, темы. Отношения с Максом волновали ее куда меньше, чем проблемы на работе. И, похоже, даже меньше, чем г-жу Можаяву.

– Нет! Стоп-стоп-стоп! Как это «не важно»! – всплеснув руками, запричитала г-жа Можаява. – Что у вас случилось? Быстро выкладывай – и во всех подробностях!

– Я позвала тебя не для того, чтобы про мужиков разговаривать, – попыталась было свернуть на более интересный ей предмет беседы г-жа Ростова. – Есть вещи посложнее и поинтереснее мужиков.

– Так, Натусь! Не повторяй моих ошибок в расстановке жизненных приоритетов! Я задала вопрос, будь добра, ответь: что между вами произошло? – продолжала демонстрировать недалекость и узость жизненных интересов г-жа Можаява.

– Ничего особенного, – сдалась г-жа Ростова. – Так, повздорили по поводу карьерного роста, – и Наташа вкратце пересказала г-же Можаявой свои питерские похождения.

Г-жа Можаява слушала с интересом и только укоризненно качала головой. Когда г-жа Ростова в очередной раз повторила пассаж из серии «я певица, в которую он не верит, и на фига мне такой не верящий в меня мужчина сдался», Люсенька сочла возможным взять слово:

– Господи, Наташка! Какая же ты дуручка! Он же тебя любит! И это так классно, что ему все равно – «звезда» ты или нет, едешь ты на лимузине или нет, просят у тебя автограф на Невском или нет... Он любит тебя такой, какая ты есть! Как же ты не умеешь этого ценить? Он же тебя и со сломанной ногой, толстой и безработной любить будет!

– А меня не надо любить толстой и безработной! – решительно отвергла доводы г-жи Можаявой Наташа. – Я сама себя такой не люблю, и незачем мне в этих слабостях потворствовать. Мужчина, что рядом с тобой, должен быть сильным и давать силы тебе. А не быть согласным умереть с тобой в бедности и безвестности. Потому что я хочу умереть в богатстве и почете! Такой слабый тип, как Макс, – даже не мужчина, а облако в штанах, не имеющий права на размножение и трансляцию своих вырожденческих генов в будущее.

– Может быть, все дело в том, что он до сих пор не позвал тебя замуж? – с какой-то даже надеждой непонятно на что спросила г-жа Можаява. – И поэтому ты так злишься на него? И потому делаешь вид даже для себя самой, что проблема в его маленькой зарплате и незначительности?

– Нет, Люсенька, – совершенно искренне призналась г-жа Ростова. – Все дело в том, что в нем реально не чувствуется жизненного потенциала. Рядом с этим мужчиной, я чувствую, я очень быстро превращусь в ту самую, «толстовскую» Наташу Ростову с шестью детьми, толстую и глупую. А я не хочу такой быть! Я способнее, умнее и сильнее, чем Наташа Ростова. И ты знаешь, в чем весь комизм ситуации? Маша ведь реально очень неглупый и талантливый парень. Если бы он только захотел, он бы такие горы смог свернуть! Возможно, все дело в том, что он – питерский?

– Не вижу логики, – поедая заказанный в пылу спора жульен, прочавкала г-жа Можаява. – Что, у питерских какие-то особые проблемы с жизненным потенциалом и энергетикой свершений?

– А то! Конечно! – хлопнула ладонью по столу г-жа Ростова и принялась довольно внятно излагать родившуюся только что у нее теорию на счет неполноценности жителей города на Неве, которая легко коррелировала с ее общей жизненной установкой на то, что все немосквичи несколько ленивы и глуповаты.

Теория эта сводилась примерно к следующим тезисам: ох уж эти питерские – ни рыба ни мясо! В том смысле, что и не столичные жители, и не провинциалы.

Термин «вторая столица» сбивает их с толку и совершенно дезориентирует в жизненном пространстве. В результате они не ощущают себя ни столичными жителями, ни провинциалами. И ни теми, ни другими на самом деле и не являются: это не самоуверенные москвичи с

апломбом, но и не наглые провинциалы с прущей из всех щелей жадой самоутверждения. Они как дамы полусвета: и не высшее общество, по праву рождения имеющее возможность принимать судьбоносные решения, но и не угнетенный, а от того амбициозный и жаждущий признания своих прав народ. Далее Наташенька, попивая большими глотками коктейль «Мохито», разрекламированный в модной книжке культового писателя Гришковца, углубилась в детали.

– Москвич с рождения чувствует себя включенным в общеисторический процесс, ответственным за судьбы родины, и априори считает себя в праве претендовать на высокие должности, большие зарплаты, красивые машины и историческую роль. Провинциал априори считает, что он не вправе на все это претендовать, и оттого у него еще больше охотничьего азарта и желания выиграть этот «недоступный» приз в виде славы, денег и исторической роли. А питерцев ощущение себя жителями «второй столицы» совершенно испортило. Словом, не-до-столица. Просто удивительно даже, что некоторым питерцам удалось сделать карьеру в общероссийском масштабе, – с жаром проповедовала г-жа Ростова.

– Погоди-погоди, – наконец нашла возможность вставить хоть слово г-жа Можаяева. – Но в Питере тоже многие исторически важные события случались. Взять хоть ту же революцию 1917 года!

– Но тогда Питер был столицей! – рубанула воздух ладонью г-жа Ростова. – И тогда все провинциалы тоже стремились в столицу, то есть в Питер. И вообще это было давно и неправда!

– Нет, все-таки ты что-то говоришь не правильно! – протестовала г-жа Можаяева, вообще отличавшаяся низкими аналитическими способностями. – Питерцы тоже имеют волю к победе и способны сделать большую карьеру. Ты ведь не забыла, что у нас сейчас и президент, и правительства родом из Санкт-Петербурга?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.